

DOI: 10.19195/0137-1150.163.20

OLGA STUKAŁOWA

Институт художественного образования и культурологии

Российской академии образования в Москве, Rośja

e-mail: chif599@gmail.com

„Походкой щеголеватого пророка...”
Образы стариков в эпосе Фазила Искандера
Сандро из Чегема

*Не умирайте, старики,
Я вас прошу, не умирайте!
Любому смыслу вопреки
Живите, в шахматы играйте.
[...] Вы, как деревья в листопад,
Еще в плодах судеб, событий...
Благословляю ваш закат!
И все-таки — не уходите¹.*

Фазиль Искандер

Строка, избранная для названия статьи, довольно точно отражает особенности изображения стариков в прозе Фазила Искандера — в первую очередь в эпосе *Сандро из Чегема*. С одной стороны, любование, даже восхищение этими колоритными, много чего повидавшими на своем пути людьми, хранителями древних традиций, мудрецами и иногда даже пророками. С другой стороны, тонкая ирония, мягкая насмешка над любой претензией на „всеведение”, над желанием покрасоваться, хитростью, которая вообще-то „шита белыми нитками”. Ирония снимает пафос и примиряет с миром, в котором много абсурдного и унижительного. Сам писатель, рассуждая о методе, пишет:

¹ Ф. Искандер, *Ежевика*, Москва 2002.

Чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставленный этим обратным путем, и будет настоящим юмором².

Таким образом, в искандеровских стариках просвечивает универсальность принципа „веселой относительности бытия”, характерного для художественного мира писателя. В этом целостном мире нет ничего малозначительного, неважного для гармонизации жизни.

Эпос *Сандро из Чегема* образуют 32 новеллы, входящие в состав трёх книг. Новеллы не объединены линией общего сюжета, но рассказывают о судьбе главного героя Сандро Чегемского, его родственников, жителей горного села Чегем. В романе повествуется история многих реальных исторических лиц: Иосифа Сталина (в эпосе его часто называют Большеусый), Нестора Лакобы, Ноя Жордания, а также вымышленных героев и даже целых вымышленных народностей (эндурцев и кенгурцев). Время действия простирается от дореволюционной истории до брежневской эпохи.

Среди героев эпоса много стариков — с самыми разными характерами и жизненными позициями, происхождением и мироощущением. Это и сам главный герой — дядя Сандро, на момент знакомства с автором-рассказчиком 80-летний старик, что не мешает ему горделиво ощущать себя человеком, обладающим „выдающимися рыцарскими достоинствами”. Свидетельством этих достоинств является вкусно описанная „жировая складка на породистой шее”. Трудно не привести данное автором ее очаровательное описание:

Но это была не та тяжелая заматерелая складка, какая бывает у престарелых обжор. Нет, это была легкая, почти прозрачная складка, я бы сказал, высококалорийного жира, которую откладывает, вероятно, очень здоровый организм, без особых усилий справляясь со своими обычными функциями, и в оставшееся время он, этот неуязвимый организм, балуется этим жирком, как, скажем, не слишком баняные женщины балуются вязаньем³.

Дядя Сандро — великий тамада, соблазнитель аристократок, бравый танцор и неистощимый рассказчик. Рассказчик не дает никаких этических оценок поступкам дяди Сандро — только лукаво посмеивается над его во многом наивными плутнями. Поразительно, но дяде Сандро удается сохранить достоинство даже в унижительных ситуациях (*Пирь Валтасара*). Причину исследователи творчества Искандера видят в том, что ко всему происходящему дядя Сандро относится с некой оправдательной усмешкой, понимая жизнь как странную и даже забавную благодаря этими странностями игру. В определенном смысле можно утверждать, что художествен-

² Ф. Искандер, *Начало*, <https://books.google.ru/books?id=hQp7zg7lnkgC&pg=PT18&lpg=PT18&dq> [доступ: 20.01.2016].

³ Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*, гл. 2, <https://books.google.ru/books?id=ownCCAAAQBAJ&pg=PT29&lpg=PT29&dq> [доступ: 20.01.2016].

ная функция этого героя это функция плута, шута, дурака, характерная для ранних форм романа⁴.

Такой подход к созданию образа главного героя, согласно концепции Михаила Бахтина, помогает автору наиболее точно выразить свое отношение к изображаемой жизни.

Маски шута и дурака имеют глубокие корни в фольклоре и связаны с „[...] народом освященными привилегиями непричастности жизни самого шута и неприкосновенности шутовского слова [...]”⁵. В образе шута, считает философ, „найдена форма бытия человека — безучастного участника жизни, вечного соглядатая и отражателя ее, и найдены специфические формы ее отражения — опубликования”⁶.

Дядя Сандро, таким образом, помогает писателю создать некий отчетливый противовес мрачному абсурду жизни, корысти, фальши, лицемерию. Ведь в действиях этого плута гораздо больше бескорыстной простоты и здорового непонимания творящегося вокруг нас сквозь лживого и трудно поддающегося пониманию для здравомыслящего человека абсурда. Примерами тому могут служить история с оползнем, рассказанная автору самим дядей Сандро в новелле *Дядя Сандро у себя дома*, или забавное сражение с милиционером вокруг „полулегальной коровы”, которую дядя Сандро пас в саду, где работал сторожем. Абсурд этой ситуации подчеркнут тем, что, расплачиваясь с милиционером за прикрытие коровы яблоками из государственного сада, ни дядя Сандро, ни милиционер даже не задумываются о незаконности и противоестественности этой сделки. Когда же автор пытается иронически высмеять эту запутанную коррупционную схему, предлагая отвести по яблоне всем членам райсовета, дядя Сандро ироничного тона не поддерживает, а даже наоборот — несколько раздражается столь несерьезным подходом к такой сложной и жизненно значимой ситуации.

Таким образом, плут, с одной стороны, как бы не включается в абсурдность окружающего мира и даже ему в чем-то противостоит, а с другой — полностью принимает этот абсурд и не сомневается в его закономерности. Такая двойственность изображения позволяет автору отстраняться, не навязывать читателям свое мнение, создавать пространство для диалога. Читатели, самостоятельно раздумывая над текстом, должны прийти к определенным нравственным выводам — и они, скорее всего, не могут быть однозначными. Да, мир таков — он странен, он перекошен и дисгармоничен. Но в этом искажении можно найти трагические оттенки, а можно увидеть все сквозь призму комического. Тогда творящийся абсурд не будет выглядеть столь мрачным, и мы можем, вдоволь посмеявшись над этим, преодолеть свои страхи и уныние. Возможно, именно юмор помогает людям выжить

⁴ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, Москва 1975, с. 234–407.

⁵ *Ibidem*, с. 357.

⁶ М. Бахтин, *Литературно-критические статьи*, Москва 1986, с. 194.

в условиях тоталитарной системы, приспособиться к ее античеловеческим требованиям, суметь сохранить свои традиции и мироощущение.

Марк Липовецкий замечает, что „[...] чаще всего именно дядя Сандро выступает в роли «медиатора», соединяющего два, казалось бы, несовместимых мира: мир Чегема и мир тоталитарной власти»⁷. Все это возможно именно потому, что „[...] в известной степени дядя Сандро «выше нравственности» — как поэзия, как жизнь»⁸.

Избранная автором позиция „улыбающегося в усы” наблюдателя применяется им для изображения и другого старика, возникающего в одной из новелл эпоса — это Александр Петрович Ольденбургский, утопист-реформатор, к огромному сожалению для себя, неотвратимо стареющий утопист-реформатор. С неподражаемым юмором описываются попытки Принца Ольденбургского навести строгий порядок и создать Кавказскую Ривьеру. Окружение принца воспринимает его государственную деятельность как игры скучающего высокопоставленного чудака. В этот спектакль мгновенно включается и дядя Сандро — тогда еще молодой красавец с наглым, как замечает автор, обаянием, перед которым не смог устоять и сам Принц.

История другого старика — героя этого эпоса — по кличке Колчерукий — рассказана с чувством нравственного удовлетворения и восторга перед человеком, бросившим вызов самой смерти. Слухи о мнимой смерти Колчерукого (или точнее — Шаабана Ларба) разнеслись по селу и заставили родственников организовать поминки и даже вырыть могилу. Вот вокруг этой могилы и раскручивается главный сюжет новеллы. Вернувшись из больницы, Колчерукий „тут же лег в постель и дал распоряжение могильную яму не засыпать, а держать наготове”⁹. Постепенно могила облагораживается. Ее хозяин сажает там персиковые и тунговые деревья. Такое самовольство вызывает раздражение властей:

Председатель сельсовета получил анонимное письмо против Колчерукого. В нем говорилось, что в посадке тунгового дерева на могилу скрывается насмешка над новой технической культурой, намек на ее бесполезность для живых колхозников, как бы указание на то, что ей настоящее место на деревенском кладбище¹⁰.

Дело постепенно набирает абсурдный, но довольно опасный для Колчерукого оборот. Спасает его — как ни удивительно — традиция поддержки родственных связей. Обнаружив, что приехавший из города проверяющий имеет дальнее родство с одним из чегемцев, друзья Колчерукого разрешают возникший конфликт. Колчерукий остается на свободе.

⁷ М. Липовецкий, *«Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера*, „Континент”, спец. вып. 4, *Избранное „Континента” 1992–2011*, т. 4, „Литература. Искусство” 2000, № 103, с. 321.

⁸ *Ibidem*, с. 322.

⁹ Ф. Искандер, *Сандро...*

¹⁰ *Ibidem*.

Показательно, что вполне естественная в истории про старика тема смерти в рассказе *Колчерукий* звучит главным образом в карнавальном, веселой тональности. Но к финалу эта тема постепенно обретает эпическую глубину. Резкий и насмешливый, свободный в своих проявлениях сильный старик примером своей жизни дает право на такие слова автора:

Когда умирает старый человек, мне кажется, вполне уместны и веселые поминки, и пышный обряд. Человек завершил свой человеческий путь, и, если он умер в старости, дожив, как у нас говорят, до своего срока, значит, живым можно праздновать победу человека над судьбой. И кто же достоин человеческой памяти, если не Колчерукий, который всю жизнь украшал землю весельем и трудом, а в последние десять лет, можно сказать, добрался и до своей могилы и ее заставил плодоносить, собирая с нее, как говорят, неплохой урожай персиков. Согласитесь, что далеко не всякому удастся собрать урожай персиков с собственной могилы, хотя многие и пытаются, но для этого им не хватает ни широты, ни отваги Колчерукого¹¹.

Пожалуй, единственный старик в этом эпосе, о котором рассказывается без тени иронии — это старый Хабуг, отец дяди Сандро. Именно этот мудрый, молчаливый, бесконечно трудолюбивый старый крестьянин наиболее отчетливо осознает трагический слом традиций, верований и обычаев. В этом сломе даже древнее моленное дерево, которому пастухи и охотники приносили жертвы, прося совета у языческого божества, в разгар коллективизации начинает отчетливо произносить слово „кумхоз” (т.е. колхоз). Для Хабуга, впервые обнаружившего новое звучание великана-ореха, это трагедия: божество предало свой народ, отдав его на разорение в „кумхозы”. Зато его сын — плутоватый прожигатель жизни дядя Сандро немедленно пристраивается при „политически грамотном” орехе кем-то вроде экскурсовода-тамады.

В новеллах эпоса сосредоточено множество частных деталей, иногда писатель углубляется в удивительные подробности, которые, казалось бы, не имеют отношения к главному сюжету. Но это только на первый взгляд. Как замечает современный исследователь:

Стремление прояснить, высветить бред и хаос человеческого бытия приводит Искандера к открытию значимости микроэлементов жизни — локальных эпизодов, случаев, слов, жестов. Он часто прибегает к микроанализу, подробно расписывая незначительную, казалось бы, ситуацию и вникая в детали, реплики, взгляды, расшифровывая их смысловое содержание, заложенный в них умысел героя (далеко не всегда вполне отрефлексируемый и им самим), читает в сердцах по типу „он как бы хочет сказать”¹².

В образах стариков, как и во всей прозе Фазиля Искандера, переплетаются и трагические стороны действительности — смерть, убийства, сумасшествие, крушение судеб и жизненных укладов, и ее светлые и жизнеутвер-

¹¹ *Ibidem*.

¹² Е. Ермолин, *Твердь. Мироздание по Искандеру*, „Континент”, спец. вып. 4, *Избранное „Континента”*. 1992–2011, т. 4, „Литература. Искусство” 2011, № 150, с. 428.

ждающие качества. Писатель создает мир, вмещающий и горные вершины, и сумрачные ущелья человеческой души, и извилистые тропы истории. Это иерархически организованный мир, потому что все в нем, включая и его творца, подчиняется „священноначалию” вечных нравственных истин. Этот неспешный патриархальный мир настолько самодостаточен, что ему не нужно постоянно оглядываться на быстротекущую повседневность.

В этом мире патриархальное бытие горного села Чегем становится воплощением нравственной нормы. Обычай, мудрость предков, голос крови продолжают определять жизненное поведение чегемцев и в советскую эпоху и, хотя исторические катаклизмы не прошли для них бесследно, формы народной жизни в основе своей стойко сопротивляются классовой морали.

С образами стариков связаны и ключевые символы искандеровской прозы — дерево (вспомним историю старого Хабуга), земля, дом, которые входят в число координат, определяющих хронотоп в творчестве писателя. Дом — это место, где происходит встреча поколений, передача духовного и нравственного опыта. Интересна рефлексия самого писателя относительно этого символа. В статье *В чем тайна?*, посвященной размышлениям о развитии жанра романа, писатель разделяет произведения мировой классики на литературу дома и бездомья, иначе говоря — достигнутой гармонии и тоски по гармонии. Искандер применяет идею дома как универсальный критерий по отношению к Пушкину и Толстому, Гоголю и Лермонтову, Прусту и Хемингуэю, Шолохову и Маяковскому¹³.

Эпическое мышление Искандера уходит корнями в это древнее фольклорное единство человека и земли, в котором особенно отчетливо проявляются духовные ценности братства, созидательного труда верности своему предназначению. Писатель утверждает их как вечные общечеловеческие категории, формируя обращенный к будущему идеал.

Старики-крестьяне в изображении Искандера живут в простом, естественном и неразрывном слиянии с природным миром. Их глубинная связь с землей, с домом не подвергается анализу, причастность ко всему живому бессознательно входит в нравственное мироощущение личности. Просто, как в жизни, оказываются связанными нравственность повседневного труда на земле и из нее вырастающее естественное восприятие красоты мира — традиционный нравственно-эстетический принцип народного мироощущения. Сопричастность к крестьянской мудрости предшествующих поколений помогает и юному человеку восстановить оборванные связи с природой, понять силу единства человека с пространством и временем родной земли, с ее явлениями, измеряющимися фазами земледельческого труда, а потому цикличного и вечного.

В эпосе Фазила Искандера за забавными подробностями и ироническими замечаниями возникает таким образом духовная альтернатива распаду

¹³ Ф. Искандер, *В чем тайна?*, „Литературная газета” 1987, № 10, с. 3.

бытийных основ. Именно старики упорно сопротивляются наступлению морального хаоса и размыванию ценностей.

В одном из поздних произведений писателя — повести *Человек и его окрестности* есть такой примечательный монолог:

Вот мы, старики, по сорок, по пятьдесят лет друг друга знаем. Сколько нас тут: абхазец, русский, грузин, мингрел, армянин. Разве мы когда-нибудь, старые мухусчане, именно старые, между собой враждовали по национальным делам? Мы — никогда! Шутки, подначки — пожалуйста! Но этой чумы не было между нами. Наверху была, но между нами не было. Нас всех соединил русский язык! Шекспир ко мне пришел через русский язык, и я его донес на своем языке до своего народа! Разве я это когда-нибудь забуду? И я уверен — он победит эту чуму и снова соединит наши народы. Но если этого не будет, если эта зараза нас перекосит, умрем непообежденными, вот за таким дружеским столом. Пусть скажут будущие поколения: „Были во время чумы такие-то старики, они продержались!”. Вот за это мы выпьем!...¹⁴

Хочется думать, что эти слова принадлежат одному из пророков — пусть щеголеватому, плутоватому, иногда тщеславному и любящему прихвастнуть былыми подвигами, но полному добра и веры в победу человечности над злом пошлости и разрушения. Ведь, как замечает сам писатель в финале одной из новелл эпоса: „Что смолкнул веселия глас? Русь, дай ответ?! Не дает ответа. Дядя Сандро, дай ответ? Иногда дает”¹⁵.

А Дядя Сандро — он такой! Он может!

Библиография

- Бахтин М., *Литературно-критические статьи*, Москва 1986.
- Бахтин М., *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*, Москва 1975.
- Ермолин Е., *Твердь. Мироздание по Искандеру*, „Континент”, спец. вып. 4, *Избранное „Континента”*. 1992–2011, т. 4, „Литература. Искусство” 2011, № 150.
- Искандер Ф., *В чем тайна?*, „Литературная газета” 1987, № 10.
- Искандер Ф., *Ежевика*, Москва 2002.
- Искандер Ф., *Начало*, <https://books.google.ru/books?id=hQp7zg7lnkgC&pg=PT18&lpg=PT18&dq>.
- Искандер Ф., *Сандро из Чегема*, <http://rubook.org/book.php?book=70502&page=24>.
- Искандер Ф., *Человек и его окрестности*, http://www.libok.net/writer/855/kniga/52661/iskander_fazil_abdulovich/chelovek_i_ego_okrestnosti/read/50.
- Липовецкий М., *«Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера*, „Континент”, спец. вып. 4, *Избранное „Континента” 1992–2011*, т. 4, „Литература. Искусство” 2000, № 103.

¹⁴ Ф. Искандер, *Человек и его окрестности*, http://www.libok.net/writer/855/kniga/52661/iskander_fazil_abdulovich/chelovek_i_ego_okrestnosti/read/50.

¹⁵ Ф. Искандер, *Сандро...*

“Walking as the dapper prophet...” An old man in Fazil Iskander’s epic *Sandro from Chegem*

Summary

The line what was chosen for the title of the article rather closely reflects the image of old men in Fazil Iskander’s prose — especially in the epic *Sandro from Chegem*. In the Iskander’s old men there are revealed the universal principle “gay relativity of life” which is typical for the writer’s artistic world. Among the heroes of the epic there are many old people — with a variety of characters and lifestyle, background and attitude to life. In the images there are interwoven tragic aspects of reality and its life-affirming qualities. Writer with the force of his art creates a world of light, accommodating and sunlit peaks and gloomy gorge of the human soul and history. In this world patriarchal being of mountain village Chegem becomes the embodiment of the moral norm. The old men images are also related to the key symbols of Iskander’s prose. The old peasants in the Iskander’s prose live in a natural and inseparable fusion with the natural world.

Keywords: Fazil Iskander, *Sandro from Chegem*, the image of an old man, a patriarchal world, the moral norm, the principle “gay relativity of life”

„Походкой щеголеватого пророка...” Образы старцов в епопеи *Sandro z Czegemu* Fazila Iskandera

Streszczenie

Zamieszczony w tytule artykułu cytat trafnie odzwierciedla specyficzne cechy starców w prozie Fazila Iskandera, zwłaszcza w eпопеи *Sandro z Czegemu*. W wykreowanych przez pisarza portretach starszków ujawnia się typowa dla twórczości Iskandera uniwersalna zasada „wesołej względności bytu”. Bohaterami eпопеи są starcy o różnych charakterach, zasadach, różnym pochodzeniu i stosunku do świata. W ich obrazach przeplatają się tragiczne strony rzeczywistości i jej afirmacja. Pisarz tworzy obraz świata, złożony z oświetlonych słońcem szczytów i mrocznych zakamarków duszy ludzkiej. W świecie tym patriarchalna egzystencja górskiej wioski Czegem odzwierciedla normy moralne. Z obrazami starców związane są kluczowe symbole prozy iskanderowskiej. W ujęciu pisarza starzy chłopci żyją w pełnej symbiozie z naturą.

Słowa kluczowe: Fazil Iskander, *Sandro z Czegemu*, obraz starca, świat patriarchalny, norma moralna, zasada „wesołej względności bytu”